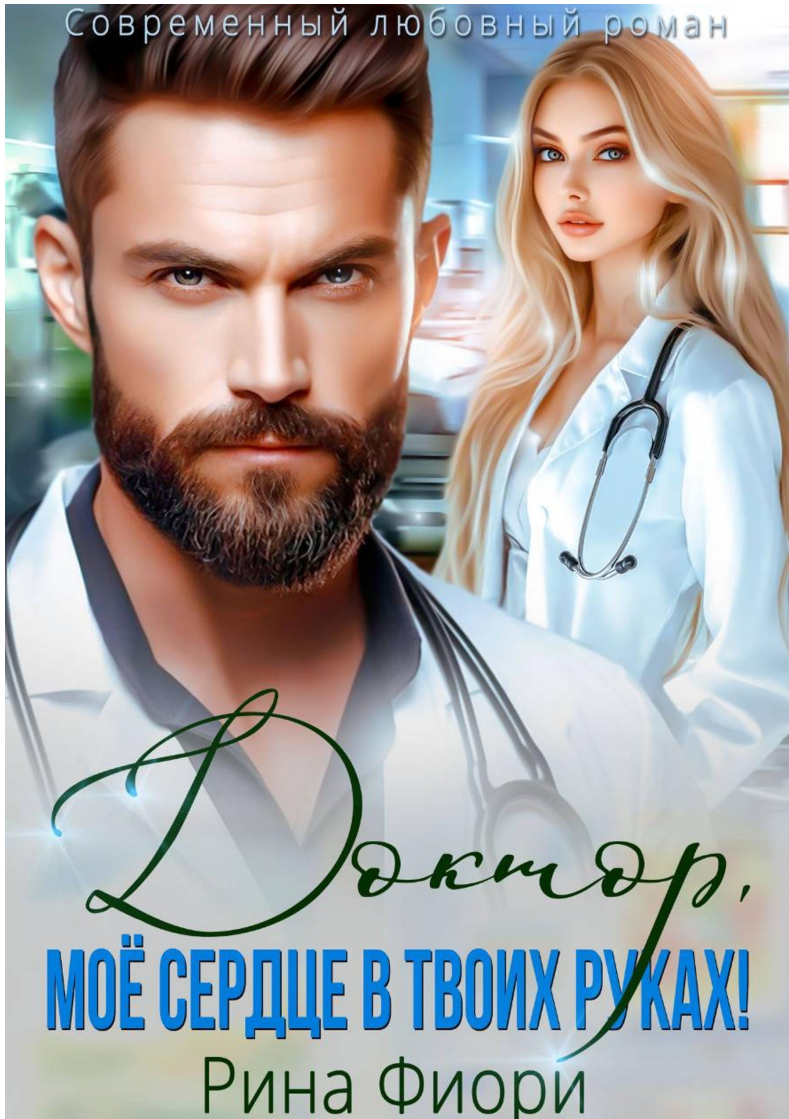

Современный любовный роман

Доктор,
МОЁ СЕРДЦЕ В ТВОИХ РУКАХ!

Рина Фиори

Рина Фиори

Доктор, мое сердце в твоих руках!

<https://litres.ru/73979559>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Ты почему здесь? – спрашивает босс, заглядывая в ординаторскую. – Спишь? – удивляется, заметив, как натягиваю на себя плед.

– Я – мямлю, не зная, что ответить.

Это не по правилам, я в курсе.

– Собирайся, поедешь ко мне, – припечатывает, меняя медицинский халат на рубашку.

Да он эгсгибиционист! Никуда я с ним не поеду!

– Спасибо, нет! – неуверенно качаю головой.

– Ты в моих словах услышала предложение? – подходит и резко сдёргивает с меня плед, будто пластырь с раны срывает.

Чётко, быстро, по врачебному не колеблюсь.

– Ты едешь со мной. И это не обсуждается!

Когда я пришла устраиваться на работу, босс принял меня за пациентку и заставил раздеваться для осмотра.

Об этом узнала моя сводная сестра и донесла родителям под выгодным ей «соусом». Как итог, мне пришлось уйти из дома.

И теперь я живу у него – у самого успешного кардиолога города
и моего босса по совместительству.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Рина Фиори

Доктор, мое сердце в твоих руках!

Глава 1

– Раздевайтесь и ложитесь на кушетку, я скоро подойду,
– говорит мужчина, едва я переступаю порог кабинета.

У меня в планах точно не было раздеваться в первый же рабочий день.

– Зачем на кушетку? – спрашиваю, слегка сбитая с толку.

В медицинском колледже нас учили совсем другому. Делаю шаг в сторону и заглядываю за ширму.

А, понятно – здесь ЭКГ делают. Но я-то пришла не как пациентка.

– Вы не так поняли... – начинаю объяснять, но доктор резко поднимает руку, останавливая меня.

– Меньше слов, больше действий. Если вам не срочно, то у меня очередь до вечера, – говорит сухо.

Интересно, он всегда так разговаривает или просто не в духе?

– Я по другому вопросу... – пытаюсь подойти к столу, но его взгляд заставляет меня отступить.

– Если у вас проблемы со слухом, лор на этаж выше, – бросает, даже не глядя на меня.

Вот так «светило медицины». Может, ему самому бы к кардиологу сходить – давление проверить?

– Глеб Владиславович, – делаю ещё одну попытку, – я не пациентка...

– Тогда либо на кушетку, либо за дверь. У меня нет времени на разговоры, – перебивает мужчина.

Вздыхаю. Ладно, раз уж так вышло, сделаю ЭКГ – давно пора.

Быстро снимаю блузку, оставляя футболку, и ложусь на кушетку. Доктор заходит за ширму, цепляет датчики – движения точные, без лишних касаний. Видно, что профессионал.

Замечаю проседь в его тёмной бороде. На сайте писали, что ему нет и тридцати пяти. Выглядит строго, но глаза... неожиданно живые.

– Всё, можете вставать, – говорит Соколовский, отвлекая меня от размышлений.

– Глеб Владиславович, я не пациентка, – наконец выдавливаю из себя. – Я ваша новая медсестра. Лоя Максимовна Савочкина. Пришла устраиваться на работу.

Он замирает, брови взлетают вверх.

– На работу? – переспрашивает, и в его голосе впервые появляется что-то, кроме раздражения.

– Да. Сегодня мой первый рабочий день.

В этот момент дверь распахивается.

– Добрый день, я новая медсестра, Рита Меркулова, – щебечет невероятно знакомый голос, а спустя пару секунд к нам за ширму заглядывает моя сводная сестра. – Лоя? – Рита выпучивает узенькие глаза, отчего те становятся чуточку больше. Кажется, она сейчас лопнет от злости.

– Так, девушка, пройдёмте, – спасибо Соколовскому, он не теряется и быстро уводит Ритку.

Скорее натягиваю на себя одежду, хватаю сумочку и папку с документами, делаю пару глубоким вдохов-выдохов и только потом выхожу из своего временного убежища. Чувствую себя, как после прыжка с парашютом.

От бешеного стука собственного сердца я не слышала, о чём Глеб Владиславович говорил с Ритой, но теперь по её недовольному лицу начинаю догадываться.

– Хотя бы диплом мой гляньте, – настаивает сводная, но кардиолог и бровью не ведёт.

– Вы опоздали, поэтому можете быть свободны. Я ценю в сотрудниках три качества: решительность, собранность, пунктуальность. Проверить у вас наличие двух других, увы, не представляется возможным, так как вы опоздали на целых двадцать минут.

– Вижу я, что вы цените в сотрудниках, – фыркает Ритка, зыряка на меня брезгливо. – И прекрасно догадываюсь, чем двадцать минут занимались, пока я спешила на собеседование, – бросает презрительно и скрывается за дверью кабинеты.

та.

– Ну, что, Лоя Максимовна, давайте знакомиться, – абсолютно спокойным тоном предлагает Соколовский.

Словно ничего из ряда вон происходящего не случилось.

Для него – может быть. А для меня – очень даже. Я только что раздевалась перед ним, пусть и не догола!

И это непотребство видела моя сводная сестра...

Ритка всегда любила ябедничать на меня родителям, выдумывать небылицы, а тут ей даже придумывать не придётся. Уверена, уже сегодня вечером мама и отчим будут знать о том, какую картину Рита застала в кабинете моего нового босса.

И я даже боюсь представить, что они себе нафантазируют!

Глава 2

– Итак, ваши документы, – Соколовский тянется к папке, которую я опустила на стол.

Вообще, я сомневаюсь, что после случившегося он возьмёт меня на работу. Скорее, прикажет отделу кадров искать новую медсестру.

Но Глеб Владиславович умеет удивлять.

– Чего стоим? Садись, будем знакомиться, – вальяжно откидывается на спинку своего кресла.

Интересно, что послужило смене его настроения?

– Вы меня берёте? – вскидываю удивлённо одну бровь.

– Ты слышала, что я сказал этой пигалице? – кивает в сторону двери. – Собранность, решительность, пунктуальность. С последним у тебя порядок. Первое меня тоже впечатлило, ты одевалась и раздевалась не больше половины минуты. И очень решительно согласилась сделать ЭКГ, несмотря на то, что пришла по другому вопросу. Поэтому, да, я тебя беру, – мужчина улыбается.

Вау!

У него такая улыбка... располагающая.

– А жизнь налаживается, – барабанит пальцами по столу весело.

Хм, быть может, он рад, что теперь часть обязанностей сможет скинуть на медсестру?

Скорее всего, так оно и есть, отсюда и перемена в настроении.

Что ж, так даже лучше. Есть шанс, что Соколовский не такой строгий босс, каким показался на первый взгляд.

– Почему дальше учиться не пошла? – листая мои документы, натывается на диплом с оценками.

– Пока возможности нет, – отвечаю расплывчато.

Рассказывать первому встречному, пусть и боссу, о своих проблемах не собираюсь.

Соколовский коротко инструктирует меня и отправляет переодеваться.

Облегчённо выдыхаю, покидая кабинет босса, и направляюсь в сестринскую.

По пути сталкиваюсь с Ритой.

– Ой, какие люди, – сводная сестра нарочно задевает меня плечом. – Не боишься, если отец узнает о твоих выходках?

– Это твой отец, почему меня должно волновать его мнение? – парирую в ответ.

Постоянно напоминаю себе, что необходимо бороться с собственной нерешительностью.

И каждый раз Рита умудряется найти какой-нибудь повод испортить мне настроение. Иногда мне кажется, что цель её жизни – доставать меня.

– Верно, и дом тоже мой, – скалится, глядя на меня сверху вниз.

Сводная обожает высоченные каблуки и постоянно обы-

вает меня малявкой, хотя у меня обычный средний рост.

В целом, я стараюсь с Ритой общаться как можно меньше.

Но что поделаться, если у нас общий дом и родители жены-ты?

Ничего. Только поставить себе цель устроиться на хорошую работу и съехать как можно скорее.

Что я, собственно, и делаю.

– Ты хочешь это здесь и сейчас обсудить? – выдыхаю устало.

Из кабинета выходит мой новоиспечённый босс. Сразу меня замечает и недовольно прищуривается.

Он меня отправил переодеваться, а я прохлаждаюсь, получается!

Ещё и Ритка как назло за руку меня хватает, не давая уйти.

– Обсудим это дома, – шиплю на сводную.

Пытаюсь выдернуть руку из её цепкого захвата.

Дёргаю слишком сильно, настолько, что кожа на запястье начинает гореть, как от ожога.

Срываюсь с места и скорее скрываюсь в сестринской.

Перевожу дыхание. Очень надеюсь, что Рита сейчас развернётся и уйдёт, покинув здание медицинского центра навсегда.

Что ей здесь делать? Одно вакантное место медсестры, и то мне досталось. И я из-за этого чувствую приятное удовлетворение.

И очень не хочу работать вместе со сводной.

Мы в колледже учились на одном курсе, жили в одной квартире, которую для нас снимали родители, и так и не смогли найти общий язык.

Уверена, общая работа не сможет исправить этого.

– Переодеваться, – приказываю себе.

Быстро меняю блузку и джинсы на медицинскую форму. Я на неё копила целых три месяца, пока подрабатывала санитаркой в соседнем крыле медцентра.

И теперь не могу налюбоваться.

Белоснежный топ, приталенная рубашка и идеального кроя свободные брюки, которые сидят на моей тощей фигуре просто волшеббно. Скрывают худобу, которая иногда чересчур бросается в глаза.

И ладно бы только это. Из-за моей комплекции меня зачастую не воспринимают всерьёз и считают младше, чем я есть на самом деле.

А это создаёт некоторые сложности, вот я и стараюсь всячески корректировать данный недостаток.

Быстренько застёгиваю пуговички на рубашке, собираю на затылке свои светлые от природы волосы. Время поджигает, уже начало рабочего дня в разгаре, поэтому пулей вылетаю из сестринской и спешу скорее в кабинет босса.

– Ой, а ты новенькая? – по пути меня перехватывает медсестра с ресепшена. – У Глеба Владиславовича будешь работать? – спрашивает с нескрываемым любопытством.

Киваю в ответ молоденькой брюнетке.

– А забери тогда, пожалуйста, папки, я пост не могу с утра оставлять, а тут накопилось, – кивает на огромную стопку.

– Конечно, – улыбаюсь в ответ.

Прижимаю к себе папки. Их очень много, они мне даже обзор перегораживают, но я стараюсь идти осторожно, чтобы никого не сбить.

И, конечно, врезаюсь с чьё-то твёрдое тело на первом же повороте.

– Ой! – взвизгнув, зажмуриваюсь на автомате.

Папки с грохотом падают на пол, а я по инерции налетаю на босса.

– Савочкина, обниматься после смены будем, – подмигивает мне мужчина, а сам руками меня за талию придерживает.

Кровь отливает от лица. Ну, зачем я вообще вышла из сестринской?

Могла бы переодеться еще полчаса, придумывая оправдания собственной медлительности. Теперь же стою, как приклеенная, в объятиях начальника, а вокруг нас – хаос из бумаг.

– Простите, Глеб Владиславович, – бормочу, стараясь не смотреть ему в глаза. – Я сейчас все подниму.

Скорее отстраняюсь от мужчины и наклоняюсь, чтобы собрать бумаги.

– Давай помогу, а то ты тут до вечера копать будешь, –

слышу его голос рядом.

Собираем папки в тишине. Чувствую, как щеки мои горят огнем. Вот зачем я согласилась на это? Могла же спокойно отказать медсестре с ресепшена.

– Ты, главное, больше так не летай, – говорит Соколовский, протягивая мне стопку бумаг. – А то еще с кем-нибудь столкнешься, и обвинят меня в создании травмоопасной рабочей среды.

Улыбаюсь его шутке. Ну, хоть чувство юмора у босса есть. Уже прогресс.

– Больше не буду, обещаю, – отвечаю, принимая папки. – Я просто хотела побыстрее приступить к работе.

– Вижу, что стараешься. Это похвально. Но осторожность тоже важна. Особенно с моими пациентами.

– Я поняла, – киваю, стараясь держать равновесие с этой горой бумаг.

– Ладно, иди работай. Иначе я начну думать, что ты специально ищешь повод, чтобы со мной пообниматься, – подмигивает игриво.

Вот наглец! Краснею еще больше, но решаю не отвечать на его провокацию. Просто разворачиваюсь и, стараясь не споткнуться, направляюсь в его кабинет.

По дороге думаю: «И что это было? Флирт? Намек? Или просто неудачная шутка?».

В любом случае, нужно держать ухо востро. Босс хоть и симпатичный, но на работе никаких романов. Это я для себя

твёрдо решила.

Захожу в кабинет, аккуратно кладу папки на стол и выдыхаю с облегчением. Наконец-то!

– Ну, что, Савочкина, – слышу голос Соколовского за спиной. – Готова к первому заданию?

Оборачиваюсь и вижу, как он ухмыляется.

– Всегда готова, – отвечаю с вызовом.

– Отлично. Тогда приготовь мне... эспрессо. Двойной. И чтобы пенка стояла, как солдат на параде, – Глеб Владиславович садится за стол и откидывается на спинку кресла, сложив руки на груди. – Это проверка на профпригодность.

Я моргаю. Эспрессо? Это и есть первое задание? А как же уколы, капельницы, заполнение каких-нибудь архиважных медицинских бумаг?

– Вы серьёзно? – не выдерживаю.

– Абсолютно, – кивает босс. – Я тут, знаете ли, работаю на износ, мне нужен допинг. А кофе из автомата – это как поцелуй через стекло. Вроде и кофе, а вроде и нет.

Ну и сравнение! Закатываю глаза, стараясь скрыть раздражение. Ладно, Савочкина, держи себя в руках. Ты же хотела хорошую работу? Вот она, во всей красе. Кофеноска у доктора Соколовского.

– Будет сделано, – цежу сквозь зубы, разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

Глава 3

– И сахар! – кричит мне вдогонку Глеб Владиславович. – Два кубика! И один маленький комплимент!

Останавливаюсь, поворачиваюсь и смотрю на него, как на сумасшедшего.

– Комплимент? – переспрашиваю.

– Ну да! – хлопает он в ладоши. – Чтобы мне было приятно работать! Ты же у нас медсестра, должна создавать атмосферу!

– Я медсестра, а не массовик-затейник, – бурчу себе под нос.

Но вслух говорю:

– Хорошо.

Выхожу из кабинета, иду в сестринскую, где, как назло, ни души. Видимо, все спасают мир, пока я тут должна кофе варить.

Нахожу кофемашину, начинаю разбираться.

С кофе я, прямо скажем, не в ладах. Обычно пью растворимый из пакетика. А тут – целая наука!

Наконец, после нескольких неудачных попыток, мне удаётся сотворить что-то отдалённо напоминающее эспрессо. Пенка, правда, больше похожа на взбитые сливки, но хоть что-то.

Аккуратно ставлю чашку на поднос, кладу два кубика са-

хара и начинаю судорожно думать над комплиментом.

Что ему сказать? «У вас красивые глаза»? Банально. «Вы отлично выглядите»? Наверняка ему это говорят каждый день. «У вас потрясающее чувство юмора»? Лгать не хочется.

Потому что я теперь думаю иначе: нет у Соколовского никакого чувства юмора, зря я о нем так подумала, когда в дверях столкнулась.

В итоге решаю сказать первое, что придёт в голову.

С подносом в руках, как с бомбой замедленного действия, возвращаюсь в кабинет начальника. Глеб Владиславович сидит за столом, что-то пишет, и даже не смотрит в мою сторону.

– Ваш кофе, – произношу как можно более официально.

Он поднимает голову, берёт чашку, принимает.

– Хм, запах приятный, – говорит босс. – А на вкус?

Делает глоток, прикрывает глаза.

– Неплохо, – выносит вердикт. – Но не хватает изюминки.

Я замираю. Вот сейчас начнётся.

– И комплимента, – напоминает, хитро прищуриваясь.

– Да, конечно, – откашливаюсь. – Глеб Владиславович, у вас... очень... ухоженный кактус на подоконнике.

В кабинете повисает тишина. Соколовский давится кофе.

– Что? – выдыхает, прокашливаясь.

– Ну... – мямлю я. – Он такой... зелёный... и колючки у него ровные...

Глеб Владиславович смотрит на меня с таким выражением лица, будто я только что призналась в убийстве его любимой канарейки.

– Савочкина, – говорит, наконец, – вы меня удивляете. Вы – первая девушка, которая сделала комплимент моему кактусу.

Я чувствую, как мои щёки заливаются краской.

– Я... просто... не знала, что сказать, – оправдываюсь.

– В следующий раз просто скажите, что у меня красивая рубашка, – вздыхает он. – Хотя нет, лучше промолчите.

Делает еще глоток кофе и снова прикрывает глаза.

Я молчу, как рыба об лед, и стою, словно провинившаяся школьница перед директором.

В голове проносится мысль: «Ну почему я не смогла придумать ничего лучше, чем этот несчастный кактус?!» Кажется, даже колючки этого растения смотрят на меня с презрением.

Глеб Владиславович отставляет чашку и, глядя куда-то в окно, произносит:

– Ладно, Савочкина, за кактус вам зачёт. А теперь... идите работайте. И в следующий раз, пожалуй, обойдемся без комплиментов, – хмыкает, будто издеваясь.

Так это он меня на стрессоустойчивость так проверяет?

– Хорошо, – тихо отвечаю и поспешно ретируюсь из кабинета.

Выйдя в коридор, делаю глубокий вдох. Воздух кажется

таким свежим и чистым после этой неловкой сцены.

Так, стоп! А куда это он меня отправил, если я его личная медсестра?

Точно! Я же должна неотступно следовать за ним, а не бегать на побегушках с кофе. Развернувшись, я вновь направляюсь к кабинету, но на этот раз стучусь настойчивее.

– Глеб Владиславович, простите, что беспокою, но я ваша личная медсестра. Мне, наверное, стоит быть рядом, нет? – выпаливаю, едва открыв дверь.

Соколовский смотрит на меня с нескрываемым удивлением, а затем с какой-то странной, едва заметной искоркой в глазах.

– Вообще, на сегодня у меня прием окончен. В обед – операция, и еще две после обеда. А вы можете разобрать пока личные дела пациентов, – вываливает на стол груду папок с полки.

Я оглядываю внушительную стопку.

– Хорошо, – говорю, стараясь не выдать своего разочарования. – Тогда я приступлю. Где я могу это сделать?

– Прямо здесь, – кивает Соколовский на угол кабинета, где стоит небольшой столик, заваленный какими-то бумагами и медицинскими журналами. – Освободите себе место.

Я вздыхаю и принимаюсь за работу. Разбирать чужие истории болезни – занятие не самое увлекательное, но что поделать. Главное – не варить больше кофе и не говорить комплименты кактусам.

Спустя час Соколовский покидает кабинет.

А, у него же операции, точно!

Я погружаюсь в кипу бумаг, стараясь отвлечься от навязчивых мыслей о злополучном комплименте.

Фамилии, диагнозы, результаты анализов – всё это сливается в одну серую массу. Под конец второго часа глаза начинают слипаться, а спина предательски ноет.

Я решаю сделать небольшой перерыв, размять затёкшие плечи и посмотреть в окно.

Вид оттуда открывается не самый вдохновляющий: серая парковка, несколько унылых деревьев и кусочек неба, затянутого тучами. Вздыхаю и возвращаюсь к своему занятию.

Внезапно дверь кабинета открывается, и на пороге появляется Глеб Владиславович. Он выглядит уставшим, но собранным.

– Закончила? – спрашивает без особого интереса.

– Да. То есть, нет, – растерянно киваю.

Пока я в замешательстве продолжаю стоять на месте, в кабинет без стука входит одна из медсестер. Я ее впервые вижу, но почему-то предполагаю, что это не врач.

Хотя...

В руках у нее поднос с едой.

– Глеб, ты опять забыл пообедать? – с легким укором роняет девушка.

Грациозно дефилирует мимо меня, ставит на стол поднос. Соколовский протяжно вздыхает.

– Настя, я сам разберусь, когда мне есть, – недовольно бурчит, не глядя на брюнетку.

На подносе вижу тарелку с аппетитным салатом, суп в красивой супнице и даже какой-то десерт.

«Вот она какая, забота», – проносится у меня в голове.

Настя, не обращая на меня внимания, начинает раскладывать приборы. Движения отточенные, как у профессиональной балерины. Она явно привыкла ухаживать за Соколовским.

– Да не ворчи, – отвечает Настя, игриво поправляя ему галстук. – Я же забочусь о твоём здоровье. А это, между прочим, салат из авокадо, который ты так любишь.

Я чувствую себя лишней на этом празднике жизни. Неловко переминаюсь с ноги на ногу, не зная, куда деть взгляд. Кажется, они совсем забыли о моем присутствии. Чувствую себя неловко и немного обидно. Как будто я невидимка.

– Ладно, я тогда пойду, – произношу, стараясь не выдать своего смущения.

Глеб Владиславович, наконец, обращает на меня внимание.

– Да, Савочкина, идите, – говорит, как будто очнувшись.

Выхожу из кабинета, чувствуя себя немного униженной. «Личная медсестра», – с иронией думаю про себя. Скорее, девочка на побегушках, которая варит кофе и делает комплименты кактусам.

Кстати, мне тоже не помешает пообедать.

Иду в столовую, где царит обычная больничная суета. В воздухе смешиваются запахи борща и жареной рыбы, над головой гудят разговоры и звон посуды. Беру себе тарелку гречки с котлетой и сажусь за свободный столик в углу.

После обеда возвращаюсь в кабинет начальника. Настя уже ушла, а Глеб Владиславович сидит за столом и сосредоточенно рассматривает результаты ЭКГ. Хмурится.

Наверное, у какого-то очередного пациента серьезные проблемы, – проносится в голове.

– А ну-ка, присядь, – приказывает, кивая на стул.

И от его тона мне становится не по себе...

Глава 4

Сердце ухает куда-то в пятки и начинает отбивать чечетку. Тон у босса такой, будто я сейчас на операционном столе лежу, а он стоит рядом и скальпель точит.

Сажусь на стул, стараясь не выдать дрожь в коленках.

– Что-то случилось, Глеб Владиславович? – спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, будто я обсуждаю погоду, а не предстоящую казнь.

В голове вертится: что я успела натворить?

Босс поднимает на меня взгляд, и в его глазах нет ни намека на иронию или издевку. Только серьезность.

– Савочкина, я тут кое-что обнаружил, – говорит, постукивая пальцем по распечатке ЭКГ. – Судя по этой кардиограмме, у вас серьезные проблемы с сердцем. Прямо как у старого дедушки, который пробежал марафон.

Сердце пропускает удар. В груди будто устроили рок-концерт без моего ведома.

– Что? – выдыхаю, ощущая, как лицо стремительно теряет цвет. – Но... это невозможно! Я же вроде живая еще.

– Давно вы делали ЭКГ? – спрашивает, не обращая внимания на мое замешательство, как будто я должна помнить график своих сердечных сокращений наизусть.

– Утром... – тяну растерянно.

Желания вспоминать о том, как мужчина видел меня по-

луобнаженной, да еще и с электродами на стратегически важных местах, нет ни малейшего. Это даже в страшном сне не приснится.

– Лоя, я имею в виду, раньше, – цедит сквозь зубы босс, словно нерадивому ребенку правила поведения объясняет.

– Последний раз... наверное, в колледже, на медосмотре, – вспоминаю, как будто пытаюсь откопать мамонта в своей памяти. – Но тогда все было в порядке. Я даже отжималась больше всех на физкультуре!

– В детстве у вас были какие-то проблемы с сердцем? – настаивает Соколовский, сверля меня взглядом, словно рентгеном.

Вспоминаю. Мама говорила про шумы в сердце, но потом вроде все прошло.

– Да, – отвечаю, чувствуя, как в груди нарастает тревога и начинает конкурировать с рок-концертом истеричная самба. – Но потом все прошло, врачи сказали, что перерасту. Типа, это как молочные зубы, только в сердце.

Глеб Владиславович хмурится еще сильнее, будто я только что призналась в краже бриллиантов королевы.

– Это нужно проверить, – говорит, решительно вставая из-за стола. – Сейчас же сделаем повторное ЭКГ. И чтобы наверняка!

– Сейчас? – переспрашиваю, чувствуя, как паника подступает все ближе и начинает дирижировать моим внутренним оркестром. – Может, лучше завтра? Или послезавтра? Или

вообще никогда?

– Нет, сейчас, – отрезает, как хирург скальпелем. – Чем быстрее мы проверим мои подозрения, тем лучше. Идемте. И никаких «но»!

Соколовский выходит из кабинета, и я, словно зомбированная, следую за ним. Ноги на ватных подкосах заплетаются, и я почти падаю, но вовремя хватаюсь за дверной косяк. Мы идем по коридору, и каждый шаг отдается гулким эхом в моей голове.

В голове крутятся самые мрачные мысли. Что, если у меня действительно что-то серьезное? Что, если мне нужна операция?

А может я и вовсе скоро стану звездой медицинских журналов с диагнозом «Самое странное ЭКГ в истории»?

Приходим в кабинет функциональной диагностики. Глеб Владиславович что-то быстро говорит медсестре, и она кивает, готовя аппарат для ЭКГ. Она смотрит на меня с сочувствием, и от этого становится еще хуже.

– Ложитесь на кушетку, – говорит мне Глеб Владиславович, указывая на белую клеенку, которая выглядит подозрительно новой и чистой.

С трудом повинуюсь. Сердце бешено колотится, кажется, что сейчас выскочит из груди и убежит в другой кабинет. Медсестра прикрепляет к моей груди и конечностям холодные электроды. Я вздрагиваю от неожиданности.

– Дышите ровно, не двигайтесь, – говорит она, словно я

робот, а не человек, охваченный паникой.

Стараюсь выполнить ее инструкции, но это непросто. Мысли путаются, в голове – полный хаос.

Проходит несколько мучительно долгих минут, и медсестра отключает аппарат.

Она что-то смотрит на экране, потом передает распечатку Глебу Владиславовичу.

Он внимательно изучает кардиограмму, хмурится. Молчит. Его лицо становится все более непроницаемым, как будто он пытается расшифровать послание инопланетян.

А до меня только доходит: зачем тогда Соколовский сам мне утром ЭКГ делал, если может вполне отправлять пациентов сюда, в кабинет функциональной диагностики? Неужели он решил устроить мне личный аттракцион страха?

– Ну что там? – не выдерживаю, нарушая тишину, которая давит на уши. – Что со мной? Я жить буду?

Теперь волнения добавляют не только возможные проблемы с сердцем, но и вопрос: что это задумал босс?

Он поднимает на меня задумчивый взгляд. В глазах плещется какое-то странное выражение, которое я никак не могу расшифровать.

– Странно, – говорит он, наконец-то прерывая тягостное молчание.

Внутри все опускается...

Глава 5

– Странно, – повторяет босс, потирая пальцами небритый подбородок. – Здесь все в порядке. Кардиограмма идеальная. Прямо как у космонавта перед полетом.

Я смотрю на него, как баран на новые ворота. То есть, получается, вся эта паника была зря?

– В смысле? – не понимаю я. – Как это возможно?

– Это значит, что первая кардиограмма была ошибочной, – объясняет он. – Скорее всего, произошла какая-то путаница.

Облегчение волной накрывает меня с головой. Чувствую, как напряжение покидает мое тело.

– Ошибочной? – повторяю, не веря своему счастью. – Слава Богу!

– Да, ошибочной, – подтверждает Глеб Владиславович. – Но все равно, вам не помешает пройти полное обследование. Просто для собственного спокойствия.

– Обязательно, – киваю. – Обязательно пройду.

Мы возвращаемся в кабинет. Я сажусь на свой стул, чувствуя себя совершенно разбитой. Этот внезапный приступ страха вымотал меня до предела.

– Извини, что так напугал, – говорит Глеб Владиславович, садясь за стол. – Но я должен был проверить. Для меня важно здоровье не только пациентов, но и коллектива.

– Ничего, – отвечаю, стараясь улыбнуться. – Главное, что все в порядке.

– В качестве извинений предлагаю сегодня вечером поужинать вместе. Просто ужин, – выставляет раскрытую ладонь вверх.

Думаю несколько секунд, как поступить. С одной стороны, если задержусь, у семьи будут вопросы ко мне.

А с другой, это же корпоративная этика и все такое. Как боссу отказать? Тем более, он ничего запрещенного не предлагает.

– Хорошо, можно просто ужин, – соглашаюсь.

Глеб Владиславович в ответ кивает и снова углубляется в свои бумаги. Я тоже пытаюсь вернуться к работе, но мысли все еще блуждают где-то далеко.

В голове крутится вопрос: как могла произойти такая ошибка? И почему именно со мной?

Внезапно Глеб Владиславович поднимает голову.

– Савочкина, а вы не могли случайно перепутать свою папку с чьей-нибудь другой? – спрашивает неожиданно.

– Перепутать? – переспрашиваю. – Не знаю... Может быть... Я же сегодня столько бумаг перебрала.

– Посмотрите, – говорит, кивая на стопку бумаг. – Проверьте, все ли документы на месте.

Начинаю перебирать папки на своем столе. И действительно, в одной из них папок не хватает результатов ЭКГ. На папке – фамилия какого-то мужчины, пожилого.

– Вот! – восклицаю я. – Вот она! Чужая кардиограмма принадлежит, скорее всего, этому мужчине!

– Отлично, – говорит Глеб Владиславович. – Значит, все дело в этом, – он сверяет шифр на папке и на кардиограмме. Совпадает.

Ну конечно, моего дела нет среди остальных бумаг, я ж не пациентка клиники, вот Соколовский и решил, что лежащее на самом верху ЭКГ – мое.

А я просто лишние результаты тут оставила и даже не подумала, что может произойти такая путаница.

Босс забирает у меня кардиограмму и кладет ее в нужную папку.

– Больше так не делайте, Савочкина, – говорит, строго глядя на меня. – В следующий раз будьте внимательнее.

– Хорошо, – отвечаю, чувствуя, как щеки заливаются краской. – Я буду внимательнее.

Он снова отворачивается к своим бумагам. Я тоже пытаюсь сосредоточиться на работе, но мысли все равно возвращаются к произошедшему. Кажется, этот день полон сюрпризов. И далеко не все из них приятные.

Ближе к вечеру Глеб Владиславович уходит на очередную операцию. Я остаюсь одна в кабинете, разбирая остатки документов. В голове – тишина и спокойствие, нарушаемое лишь тихим тиканьем часов на стене.

Вдруг, в кабинет кто-то стучится.

– Войдите, – отвечаю.

На пороге появляется Настя, та самая медсестра, которая приносила Глебу Владиславовичу обед. Она смотрит на меня с каким-то странным выражением лица.

– Ты здесь работаешь? – спрашивает с ухмылкой на пухлых губах.

– Да, я личная медсестра Глеба Владиславовича, – отвечаю, стараясь держаться уверенно.

– Личная медсестра? – переспрашивает с усмешкой. – Интересно... Я думала, у него уже есть личная медсестра.

– В смысле? – не понимаю ничего.

– В прямом, – отвечает дерзко. – Я уже несколько лет работаю с Глебом, и всегда была его личной медсестрой.

Мое сердце снова начинает бешено колотиться. Неужели все, что происходит, – какая-то ошибка? Неужели я здесь случайно?

– Но... мне сказали, что Соколовский ищет медсестру на эту должность, – говорю я, чувствуя, как уверенность покидает меня.

– Тебе сказали? – повторяет она с иронией. – Кто тебе это сказал?

– Глеб Владиславович, – отвечаю я. – И в отделе кадров... Настя смеется.

– Глеб? – говорит, постукивая пальцем по губам. – Что-то я не думаю, что Глеб стал бы так просто брать к себе новую медсестру, не посоветовавшись со мной.

В голове – полный хаос. Не понимаю, что происходит. Кто

говорит правду? Кому верить?

– Я... я не знаю, что и думать, – говорю, чувствуя, как слезы подступают к глазам.

– Не переживай, – говорит Настя, смягчаясь. – Я разберусь. Поговорю с Глебом, и мы все выясним. Просто мы немного повздорили, ты же знаешь, как это бывает между... людьми, – соединяет между собой два указательным пальца и делает какое-то странное движение, напоминающее трение. – Близкими людьми.

Она выходит из кабинета, оставляя меня в полном замешательстве. Чувствую себя обманутой и униженной.

Не понимаю, зачем Глебу Владиславовичу было говорить мне, что я его личная медсестра, если это неправда. И кто я тогда здесь? Просто девочка на побегушках?

Смотрю на часы. Мой рабочий день закончился десять минут назад. Решаю, что пора идти домой. Не могу больше оставаться здесь, в этом кабинете, полном гнетущей недосказанности. Собираю свои вещи и выхожу в коридор.

На выходе из больницы сталкиваюсь с Глебом Владиславовичем. Он выглядит уставшим, но довольным.

– Савочкина, вы уже уходите? – спрашивает удивленно.

– Да, – отвечаю, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Что-то случилось? – спрашивает, заметив мое состояние. – А как же ужин?

– Все в порядке, – немного лукавлю. – Просто устала.

– Понимаю, – говорит, качая головой. – Сегодня был тя-

желый день. Но я надеюсь, что ужин в силе, ведь так? – пылливо заглядывает мне в глаза.

Хочу отказать, но понимаю, что не могу этого сделать под прицелом его острого, как лезвие, взгляда.

– В силе, – киваю, мысленно ругая себя всеми известными мне ругательствами за слабость. – Только у меня будет условие.

Глава 6

За неделю до...

Настя меня достала. Конкретно. Достала настолько, что чудится, будто в коридоре эхом отдается ее слащавое: «Глеб Владиславович, может, чаю?».

Да, специалист она отменный, уколы ставит – словно бабочка крылом коснулась. Но эти взгляды... исподтишка, полные надежды и желания, словно я – последний шанс человечества на выживание.

И намеки... Ох, эти ее намеки!

Про пироги домашней выпечки, про книги по психологии отношений, про случайно оброненную фразу о том, как хорошо бы пойти вместе на выставку кошек... У меня, знаете ли, и без кошек голова кругом идет.

Решение вызревает моментально. Отправлю Настю в урологию. Пусть там мужикам мозги компостирует. Врачи там, конечно, суровые, но, может, хоть она отвлечется.

А себе возьму медсестру новую. Свежую. Чтобы не смотрела на меня, как на кусок праздничного торта, который вот-вот съедят.

Захожу в отдел кадров. Какое царство бюрократии! Папки, стопки, лица, усталые от переключивания бумажек. На столе у Тамары Петровны возвышается Эверест из резюме.

— Опять медсестру выбираете, Глеб Владиславович? — вздыхает Тамара Петровна, оглядывая меня поверх очков.
— Ну что, все как на подбор: стаж, категории, владение латынью...

— Да толку, Тамара Петровна, — ворчу в ответ. — Мне не робот нужен, а человек. И, если честно, чтобы глазами не сверлила и не докучала желанием женить на себе.

Тамара Петровна хмыкает и начинает копаться в своем Эвересте.

— Ну, знаете ли, Глеб Владиславович... Вы мужчина видный, должность опять же...

— Вот именно! — киваю. — Потому и прошу помощи. Мне нужна та, кому работа важна, а не охота на богатого доктора.

И тут, как гром среди ясного неба... Нет, вру. Не как гром, а как... как луч солнца, пробивающийся сквозь серые больничные стены.

Иду я, значит, по коридору, злой до невозможности, думаю, как бы мне с этой Настей помягче поговорить...

Помягче, чтоб не обидеть, чтоб она поняла, что между нами — пропасть, вымощенная медицинскими картами и годовыми отчетами. И тут вижу... Ее.

Стоит у окна. Свет играет в ее волосах, делая их похожими на расплавленное золото. И глаза... Какие глаза! Два омута, два океана, в которых хочется утонуть. Будто смотришь в весеннее небо после долгой зимы.

Не знаю, что это со мной, но я, мужик взрослый, выдавший виды, чувствую себя... мальчишкой. Меня будто током прошило.

Она поворачивается ко мне, и я вижу, что она не просто красивая – в ней есть какая-то тихая сила, спокойствие, которое ощущается даже на расстоянии. Она не замечает меня, смотрит куда-то вдаль, за больничные корпуса, и в ее взгляде – печаль.

Не та показная, театральная печаль, которую я так часто вижу в глазах пациенток, жаждущих внимания. А настоящая, глубокая.

Беру. Однозначно. Другой мне не надо.

Сейчас...

– Условие? – переспрашиваю, приподнимая бровь. Савочкина стоит передо мной, съежившись, словно провинившаяся школьница. Но в глазах – искры. Очень интересно. – И какое же?

– Вы расскажете мне всю правду, – выпаливает, не отводя взгляда. – Всю правду о том, что здесь происходит. И зачем я вам понадобилась.

Ух ты. Не ожидал такого поворота. Я-то думал, она попросит забронировать столик в «Праге» или, на худой конец, пообещать прибавку к зарплате. А тут – правду подавай. Ну что ж, Савочкина, ты меня заинтриговала еще больше.

– Правду, значит? – тяну, делая вид, что задумался. На

самом деле, прикидываю варианты. С одной стороны, откровенность – лучший способ расположить к себе человека. С другой – я не люблю раскрывать все карты сразу. Особенно в таких щекотливых ситуациях. – Хорошо, – киваю, – я согласен.

Ну же, улыбнись, крошка!

Но в ответ Лоя только хмурится.

Эта девушка – как загадка, которую хочется разгадывать бесконечно.

А я люблю загадки.

– Тогда поехали? – говорю, направляясь к выходу. – Ужин все еще в силе. Иначе, где же я тебе буду всю правду рассказывать? В операционной, что ли?

Лоя идет за мной, как привязанная. Садимся в машину, и я выруливаю на набережную. Решил, что лучше всего поговорить в спокойной обстановке, подальше от больничных стен.

Занимаем столик в небольшом ресторанчике с видом на реку.

– Ну что, – говорю, когда нам приносят меню, – с чего начнем? С того, как ты попала ко мне на работу? Или сразу к сути?

Лоя молчит, глядя на меня изучающе.

– Начните с Насти, – наконец произносит она. – Кто она такая? И почему она утверждает, что является вашей личной медсестрой?

Выдыхаю. Ну, начинается.

Теперь понятно, почему настроение Савочкиной сделало такой кульбит. Настя постаралась.

– Настя... – тяну, делая глоток воды из стакана. – Настя – давняя сотрудница нашей клиники. Работает здесь уже несколько лет. И да, раньше она выполняла функции моей... ассистентки. Но я принял решение поспособствовать ее переводу в другое отделение. Правда, пока с этим не очень...

– Но она сказала, что именно она является вашей личной медсестрой, – возражает Лоя.

– Она много чего говорит, – отмахиваюсь. – У Насти сложный характер. Она привыкла считать себя незаменимой. И, возможно, немного переоценивает свою роль в моей жизни.

– Немного? – усмехается Лоя.

– Ладно, много, – признаю я. – Но, поверь мне, между нами ничего нет. Ну, кроме рабочих отношений, разумеется.

– Ваши отношения вне работы меня не волнуют, – Лоя вскидывает брови. – Меня волнует исключительно моя должность, – смущается.

Забавная.

– И все-таки, почему вы вообще взяли меня на работу, если у вас уже есть Настя? – никак не угомонится.

Вот это уже сложнее. Придется придумывать на ходу.

Потому что жаловаться на харассмент со стороны медсестры как-то не по-мужски.

Особенно в свете того, что с бывшей я расстался больше

года назад, и постоянных отношений у меня сейчас нет.

– Видишь ли, – начинаю, глядя Лое в глаза, – я давно хотел найти себе не просто ассистентку, а настоящего помощника. Человека, который мог бы взять на себя часть моей работы, освободить меня от рутины. Настя, к сожалению, не обладает нужными качествами. Она хорошая медсестра, но... немного... прямолинейная. Не хватает ей гибкости. А ты... ты произвела на меня впечатление умной, сообразительной и... безумно привлекательной девушки. Прости за откровенность.

Лоя краснеет.

– А еще... мы могли бы хорошо проводить время вместе. Если ты, конечно, не против, – все-таки не выдерживаю и раскрываю карты раньше времени.

Да, девчонка мне понравилась, а что?

Я свободен, имею право!

К тому же, Лоя – не просто одноразовая девка. Она особенная, у меня интуиция на людей хорошо работает.

– В смысле, хорошо проводить время вместе? – Лоя смотрит на меня, как на идиота.

Вижу в ее глазах сомнение, любопытство и... что-то еще. Что-то, что заставляет мое сердце биться быстрее.

Кажется, я перегнул палку. Девочка не готова вот так сразу в омут с головой.

Зато я в очередной раз убеждаюсь: я в ней не ошибся.

Не зря устроил весь этот спектакль с ЭКГ, когда она при-

шла устраиваться на работу.

Понимаю, что со стороны выглядел, как неадекват полный, но уж очень мне хотелось Люю вывести из равновесия и посмотреть, как девушка поведет себя в нестандартной ситуации.

– Ничего дурного я не имел в виду, – хмурюсь, понимая, что найти благовидное оправдание моему предложению нелегко. – Просто ты мне показалась талантливой девушкой, я мог бы поделиться с тобой опытом. Как врач разумеется. Ты не отвечай сразу, подумай.

– Я подумаю, – говорит настороженно.

Позже, когда отвожу Люю домой, она прощается со мной у подъезда.

– Спасибо за ужин, – шепчет смущенно. – И за правду.

– Всегда пожалуйста, – отвечаю с улыбкой.

Наклоняюсь, безумно хочу поцеловать ее, хотя бы в щеку, но вовремя себя одергиваю. Не время еще.

– До завтра, – шепчу.

Люя вздрагивает, но не отстраняется.

– До завтра.

Я уезжаю, чувствуя себя довольным, как кот.

Приезжаю домой. В голове – мысли о Лое.

Засыпаю с улыбкой на лице. Завтра будет интересный день. Я чувствую это.

Утром просыпаюсь в отличном настроении. Делаю зарядку, принимаю душ и надеваю свой любимый костюм.

Приезжаю в клинику и направляюсь в свой кабинет. Лоя уже на месте. Сидит за своим столом и что-то печатает на компьютере.

– Доброе утро, – говорю, входя в кабинет.

– Доброе утро, – отвечает, даже не поднимая на меня взгляд.

– Ну что, – спрашиваю я, – как настроение?

– Глеб Владиславович, – отвечает отстраненно. – Я пришла сюда для того, чтобы работать. Работать, – подчеркивает стальным тоном.

Хотя, где Лоя и где сталь? Она же как фея.

– На этом все, – отводит взгляд.

Что-то не так. Нутром чую.

Обычно интуиция – это по женской части, но в силу специфики профессии, у меня тоже неплохо развита данная способность.

И я чувствую, что что-то не так.

Неужели опять Настя постаралась?

Или есть что-то еще?

Глава 7

Дом встречает меня тишиной, но я знаю – это затишье перед бурей.

Я разубаюсь, стараясь не хлопнуть дверью, и прокрадываюсь в свою комнату. Рюкзак шлепается на пол, и я облегченно выдыхаю. Кажется, пронесло.

Но не тут-то было.

– Лоя! – голос отчима гремит, словно гром среди ясного неба.

Вот же...

Выхожу в коридор, и вижу всю «радостную» семейку в сборе. Отчим, насупившись, восседает в кресле, как на троне. Мама, с виноватым видом, переминается с ноги на ногу. Ритка ухмыляется, потирая руки.

Кажется, сейчас будет показательная порка.

– Где ты была? – отчеканивает отчим, прожигая меня взглядом.

– На работе, – отвечаю, стараясь сохранять спокойствие.
– Задержалась немного.

– Разве это работа? – ядовито вставляет Ритка. – Видела я, как ты работаешь!

Закатываю глаза.

– Рит, помолчи, пожалуйста, – прошу, но она только еще шире расплывается в улыбке.

– Не огрызайся, – рывкает отчим. – Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Работаешь на этого... развратника!

– Он не развратник, – огрызаюсь я. – Он врач. И мой начальник.

– Начальник, – передразнивает Ритка. – Ага, сейчас! И для чего же он взял тебя на работу, м? Не хочешь рассказать нам? Нет? Я могу..

– Рита, прекрати! – перебиваю сводную. – Не говори глупости.

– Глупости? – Ритка вскакивает с дивана. – Да ты полуголая сидела у него в кабинете! Я сама видела!

– Да что ты видела? – взрываюсь я. – Мне просто делали ЭКГ.

– А с каких это пор при приеме на работу делает ЭКГ лично сам босс?

– Он кардиолог, Рита, ты забыла?

– Хватит! – отчим поднимает руку, призывая к тишине. – Лоя, я сказал все, что думаю. Я не потерплю в своем доме девушку, которая ведет себя неподобающим образом.

– Это я-то?! – не выдерживаю.

Отчим немного сектант, ходит в какую-то странную общину из пяти человек. Это не церковь даже близко. Они одеваются во все темное, закрытое, собираются и чувствуют своего учителя, а вместо Библии читают книги, которые этот их учитель и написал.

В целом, мне было бы плевать, если бы не одно «но». От-

чим строго следит за нашим внешним видом, мама тоже одевается скромно, Ритка – дома выглядит, как хочет ее отец, а когда идет гулять со своими многочисленными парнями, переодевается у подружки из дома напротив.

И только я в глазах семейства – бунтарка. О, ужас! Смею вместо полудырявых платьев из прошлого века надевать просторные джинсы и футболки.

– Ты должна уволиться. Сейчас же, – грозный голос отчима выдергивает меня из мыслей.

– Что? – я ошарашено смотрю на него.

– Ты меня услышала, – отчим непреклонен. – Либо ты увольняешься, либо уходишь из этого дома. Выбирай.

В голове гудит. Уволиться? Уйти? Да как он смеет ставить мне такие условия?!

– Ты не имеешь права... – начинаю я, но отчим перебивает.

– Имею. Я хозяин этого дома. И я решаю, кто здесь будет жить, а кто – нет.

Смотрю на маму, ищу поддержки, но она лишь опускает глаза. Предательница. Я всегда знала, что отчим для нее важнее, чем я.

– Хорошо, – говорю, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я ухожу.

Отчим хмурится, видимо, не ожидал, что я так легко сдамся. Ритка, наоборот, торжествует.

– Отлично, – говорит отчим. – Собирай вещи и провали-

вай.

– Прямо сейчас? – спрашиваю, надеясь, что он передумает.

– Да, прямо сейчас. Я не хочу больше видеть тебя в своем доме.

– На улице ночь... – растерянно развожу руками.

– Ничего не знаю, – отчим непреклонен.

Разворачиваюсь и иду в свою комнату. Собираю вещи, руки дрожат от злости и обиды. Неужели все так закончится? Неужели я останусь на улице?

– Лоя, – слышу тихий голос мамы.

Она стоит в дверях, виновато опустив голову.

– Прости меня, – говорит она. – Я ничего не могу сделать. Ты же знаешь, какой твой отчим.

– Знаю, – отвечаю сухо. – Ты всегда его слушаешь.

– Я люблю тебя, – говорит мама.

– Любишь? – усмехаюсь я. – Если бы любила, то заступилась бы за меня.

Хватаю рюкзак и выхожу из комнаты. Не прощаюсь, не говорю ни слова. Просто ухожу, хлопнув дверью так, что в доме, кажется, звенят стекла.

Иду по улице, не зная, куда податься. Слезы душат, но я стараюсь не плакать. Не хочу, чтобы кто-либо видел меня слабой.

Звоню Вике, своей лучшей подруге.

– Вик, привет, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал ров-

но. – У меня тут... небольшая проблема.

– Что случилось? – Вика встревожена.

– Меня выгнали из дома, – выпаливаю я. – Могу я пожить у тебя пару дней?

Пауза.

– Лоя... ты прости меня, но я же не хозяйка дома, сама понимаешь. А твой отчим уже позвонил моему отцу и наговорил гадостей про тебя...

– Все ясно, Вик, ничего, – стараясь не расплакаться, вешаю трубку.

И что мне теперь делать? Куда податься?

Глава 8

Утреннее солнце нахально лезет в глаза сквозь щели жалюзи в ординаторской.

После ночи на лавочке и диване в комнате отдыха для персонала, я чувствую себя выжатым лимоном. Или, скорее, помятой газетой, которую достали из мусорки.

Спасибо хоть доброй тете Клаве, санитарке, приютила, а то я так и куковала бы на лавочке.

Быстро умываюсь, переодеваюсь в форму и бегу за кофе.

Чуть позже, прислонившись к стойке медсестер, потягиваю обжигающий напиток из пластикового стаканчика.

Медсестры косятся на меня с любопытством, но вопросов не задают. Видимо, догадываются, что что-то случилось.

– Лоя, ты чего такая кислая? – спрашивает Света, одна довольно бойкая медсестра. Она полна энергии и оптимизма, прямо как рекламный ролик зубной пасты.

– Ночка выдалась... богатой на события, – уклончиво отвечаю.

– Богатой? В смысле, тебе повстречался принц на белом коне? – подмигивает Света.

– Скорее, злой отчим на метле, – бурчу, отпивая еще глоток кофе.

Света хмурит брови, явно желая узнать подробности, но тут раздается звонок. Она хватается трубку и, переключив-

шись в режим «милая медсестра», начинает что-то щебетать вежливо.

Вздыхаю и решаю, что пора за работу. Завтрак съеден, кофе выпит, пора и честь знать. Иду к кабинету Соколовского.

Сажусь за свой стол, который расположен в углу кабинета, и включаю компьютер. Начинаю разбирать результаты ЭКГ. В кабинете тишина, только слышно тихое шуршание бумаги и щелчки клавиш.

Внезапно дверь открывается, и в кабинет входит босс.

– Доброе утро, – говорит вполне бодро и вежливо.

– Доброе утро, – отвечаю хмуро мужчине.

– Ну что, как настроение? – игриво интересуется начальник.

Хорошо ему заигрывать со мной, ведь за это ничего не будет.

А мне из-за его выходки с ЭКГ теперь себе надо жильё искать.

– Глеб Владиславович, – отвечаю, собрав все смелость в кулак. – Я пришла сюда для того, чтобы работать. Работать, – подчеркиваю как можно более жестко. – На этом все, – скорее прячу взгляд, пока мужчина не заметил неладное.

Хотя я и так знаю, что дальше будет. Соколовский сейчас разозлится, ведь я ему нагрубила.

А потом...

Но Глеб Владиславович не говорит ни слова. Разворачивается и скрывается за ширмой. Судя по звукам, наполняет

чайник водой, ставит ее кипятиться.

Дверь кабинета неожиданно распахивается и с грохотом ударяется о стену. Я вздрагиваю и роняю ручку, которая с тихим стуком катится по паркету.

– Ой... – тянет моя «любимая» сводная сестрица. – Вот ты где!

Вероятно, уверена, что я в кабинете одна, ведь рабочий день Соколовского начнется только через сорок минут.

– Рита, что ты здесь делаешь? – спрашиваю, стараясь сохранить хоть каплю спокойствия. Внутри все кипит. Чего она опять хочет?

– Пришла посмотреть, как ты тут «работаешь», – ядовито отвечает гадина. Ее губы растягиваются в гадкой усмешке. – Полуголая, небось, перед врачом скачешь?

Кровь приливает к лицу. Ну, конечно, как же без ее фирменных обвинений?

– Ритка, ты совсем с ума сошла? – шиплю на нее, густо краснея. Я чувствую, как мои щеки горят, и представляю, что сейчас Соколовский подумает обо мне.

Ведь босс все слышит, и это ужас как неловко. Хочется сквозь землю провалиться.

– Уйди отсюда, – прошу, наивно надеясь, что у сводной появится совесть.

Ага, сейчас! Совесть у нее появляется только тогда, когда надо что-нибудь выпросить. Или выбить. Или отобрать.

– Не уйду, пока не увижу, что тут происходит! – упира-

ется она, скрестив руки на груди. Глаза сверкают недобрым огнем.

– Да что тут может происходить? Я просто... готовила документы, – мямлю, чувствуя себя виноватой, хотя ни в чем не провинилась.

– А что это за документы? Покажи! – Рита делает шаг ко мне.

– Не твое дело, – отрезаю, стараясь говорить как можно тверже.

– Ах, не мое? Ну, тогда я сама посмотрю!

Она пытается выхватить бумаги из моих рук, и мы начинаем бороться. Я отталкиваю ее, но она хватает меня за халат. Пуговица отрывается и летит в угол.

– Вот видишь! – торжествующе восклицает Рита. – Я же говорила!

Я в отчаянии прикрываю грудь рукой. Господи, да когда же это закончится?

– Ты... ты... – заикаюсь я, не находя слов.

– Теперь я тоже здесь работаю, – объявляет сводная, растягивая губы в подобии улыбки, слишком натянутой, чтобы быть искренней. – Добрые люди помогли устроиться.

Добрые люди? Да кто бы сомневался. Я поджимаю губы, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

Нет, я не позволю ей увидеть мою слабость. Делаю вид, что увлечена монитором, но краем глаза наблюдаю за сестрицей. Она осматривается, словно завоевательница, покорив-

шая новую территорию.

– И что ты собираешься делать? Стоять здесь и пялиться на меня? – спрашиваю, стараясь не сорваться на крик. – Это входит в твои обязанности?

– Вот еще! – фыркает, – мне подыскали местечко в регистратуре. Но имей в виду, я буду следить за каждым твоим шагом, – Ритка хихикает, довольная произведенным эффектом.

В этот момент я готова на все, лишь бы она замолчала и ушла. Но знаю, если дам слабину, она только больше распоясается.

Рита уходит, хлопнув дверью напоследок.

Боже мой, какой позор... Что Соколовский обо мне подумает?

Босс выходит из-за ширмы. Выглядит задумчивым. Словно собирается с мыслями. Что он вообще думает обо всем этом цирке?

А может, ему просто все равно? Хоть бы так оно и было.

– Принимайся за работу, Лоя, – произносит сдержанно. Ни слова о нелепом происшествии с моей сестрой.

Я краснею, как школьница. Хочется убежать и спрятаться. Но нужно работать.

– Если позволите, я отлучусь на пару минут, – встаю из-за стола, придерживая халат на груди.

Мне срочно необходимо пришить пуговицу.

Босс кивает.

Я срываюсь и убегаю в сестринскую. Нахожу иголку с ниткой, пришиваю несчастную пуговицу скорее.

Возвращаюсь, когда в кабинет уже входит первый пациент.

За работой день пролетает незаметно.

На удивление, Соколовский не говорит ни слова насчет утреннего инцидента. Просто работает, как ни в чем не бывало. Немного отстраненный и очень... профессиональный.

Правда, иногда я ловлю на себе его взгляд.

Взгляд, который заставляет мое сердце биться чаще.

Конечно, не обходится без визита двух наглых особо. Сначала Ритка приходит с тортом, мол, проставляется за первый рабочий день.

Потом Настя – с бутылкой шампанского. У нее, видите ли, именины. Не день рождения, а именины, ага.

Разумеется, ничего из этого ни я, ни босс, употреблять не стали. А вот пирожные, которые принес благодарный пациент, съели с удовольствием.

Ночью я снова в ординаторской. Хотела пойти домой и поговорить с матерью и отчимом, но пришлось задержаться на работе допоздна. Завтра какая-то комиссия, и старшая медсестра к вечеру принялась гонять всех и в хвост, и в гриву.

И я даже не подумала рисковать, ведь знаю: в такое позднее время меня на порог дома после вчерашнего скандала точно не пустят.

Немного узкий диван кажется мне раем после вчерашней

лавочки. Закрываю глаза и пытаюсь заснуть. Не получается.

В голове крутятся обрывки событий: Рита, Соколовский, пациенты, мама...

Слышу, как медленно открывается дверь.

Кто там еще? Неужели Рита решила продолжить свой спектакль?

– Кто там? – спрашиваю, разворачиваясь ко входу лицом.

– Это я, – слышу приглушенный голос Соколовского.

Сердце бешено колотится в груди. Что делать? Что сказать?

Ведь я не дежурю по ночам, а значит, и быть здесь не должна.

– Глеб Владиславович, я все объясню...

– Ты почему здесь? – спрашивает босс, заглядывая в ординаторскую. – Спишь? – удивляется, заметив, как натягиваю на себя плед.

– Я... – мямлю, словно школьница, пойманная за списыванием. Слова застревают в горле, точно инородное тело. Не зная, что ответить, чувствую себя виноватой.

Это не по правилам находиться здесь, я в курсе.

– Так получилось, что мне негде переночевать, – признаюсь, потому что другого выхода у меня нет.

Соколовский смотрит на меня несколько секунд, не моргая. Снова оживает.

– Собирайся, поедешь ко мне, – припечатывает, меняя медицинский халат на рубашку.

Да он эксгибиционист! Никуда я с ним не поеду!

– Спасибо, нет! – неуверенно качаю головой.

– Ты в моих словах услышала предложение? – подходит и резко сдёргивает с меня плед, будто пластырь с раны сры-
вает.

Чётко, быстро, по врачебному не колеблясь.

– Ты. Едешь. Со мной. И это не обсуждается!

Глава 9

Просыпаюсь с дикой головной болью. Словно вчера вместо кофе я пила исключительно гвозди. Где я? Пытаюсь открыть глаза, но яркий свет бьет прямо в лицо. Морщусь и все-таки распахиваю веки.

И сразу же жалею об этом.

Потолок. Не мой. Слишком белый, слишком ровный. Слишком... чужой.

Поворачиваю голову набок. И чуть не падаю с кровати.

Рядом со мной спит Соколовский.

Глеб Владиславович, собственной персоной. В моей голове проносится стадо слонов, устроив там настоящую африканскую саванну.

Что произошло?

Медленно, очень медленно, осматриваю себя. Под одеялом.

Под одеялом! И моя одежда на месте. Это уже кое-что. Но как я здесь оказалась? И, главное, почему мы спим в одной постели?

А вдруг... Нет, не может быть!

Но память услужливо подсовывает обрывки вчерашнего вечера: ординаторская, его настойчивый взгляд, плед...

И все. Дальше – как отрезало. Полный провал в памяти.

Трясу головой, пытаюсь прогнать дурные мысли. Может,

я просто перенервничала, и мне это все приснилось?

Решаю действовать наверняка. Аккуратно, как сапер на минном поле, вылезая из-под одеяла. Стараюсь не шуметь. Получается не очень. Кровать предательски скрипит.

Соколовский не шевелится. Спит.

Фух. Пронесло.

На цыпочках пробираюсь к двери. Надо бежать. Бежать, как можно дальше и быстрее.

Но не успеваю сделать и шага.

– Куда собралась, Золушка? – слышу сонный, хрипловатый голос.

Замираю, как кролик перед удавом. Медленно поворачиваюсь.

Соколовский лежит на боку, подперев голову рукой. Смотрит на меня с хитрой улыбкой.

– Я... Э-э... Мне пора, – бормочу, чувствуя, как щеки предательски заливаются краской.

– Пора куда? Ты хотя бы помнишь, как здесь оказалась? – усмехается он.

– Помню, – вру, не моргнув и глазом. – Вы меня... подвезли.

– Подвез? До спальни? И уложили в свою постель? Очень галантно с моей стороны, не находишь?

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Может быть.

– А может быть, мы вчера немного... – играет бровями.

– Немного... чего? – делаю вид, что ничего не понимаю.

– Ну, мало ли, – неопределенно ведет рукой.

– Если есть что сказать, Глеб Владиславович, то говорите,

– произношу грозно.

Насколько могу в данной ситуации.

– Не знаю, Лоя. Но одно я знаю точно: ты вчера была очень... раскрепощенной.

Он издевается?

– И что... что было дальше? – боюсь спросить.

– А дальше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.